

УДК 811.161.1'373.44: 398
doi 10.17072/2037-6681-2017-4-73-82

К ИЗУЧЕНИЮ АРХАИЧНОЙ ЛЕКСИКИ В «ПРИЧИТАНИЯХ СЕВЕРНОГО КРАЯ» Е. В. БАРСОВА¹

Олеся Дмитриевна Сурикова

к. филол. н., научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

620000, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. surok62@mail.ru

SPIN-код: 2319-3715

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9526-7853>

ResearcherID: R-6745-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сурикова О. Д. К изучению архаической лексики в «Причитаниях северного края» Е. В. Барсова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 4. С. 73–82. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-73-82

Please cite this article in English as:

Surikova O. D. K izucheniyu arkhaischeskoy leksiki v "Prichitaniyakh Severnogo kraya" E. V. Barsova [Notes about Archaic Vocabulary in *Northern Lamentations* by E. V. Barsov]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 4, pp. 73–82. doi 10.17072/2037-6681-2017-4-73-82 (In Russ.)

Важной и до сих пор не решенной проблемой современной лингвофольклористики является недостаточная обработанность лексического материала, представленного в «Причитаниях Северного края», собранных Е. В. Барсовым. Многие слова, встречающиеся в этом сборнике, не фиксируются в диалектных словарях, а значит, не попадают в поле зрения диалектологов, этимологов и этнолингвистов, хотя нередко представляют интерес с точки зрения структуры, семантики, происхождения и лингвогеографии. Такие лексемы, способные считаться архаичными уже по причине исчезновения из свободного речевого употребления, по крайней мере ко второй половине XIX в., часто позволяют «выйти» на стоящие за ними обрядовые действия, реализуют архаичные семантические модели, отражают древние метафоры, воплощают в себе особенности архаичного мышления и, безусловно, нуждаются в интерпретации. Статья состоит из двух очерков, в которых рассматривается несколько отдельных слов, фигурирующих в причитаниях Барсова. Первый очерк посвящен семантическим диалектизмам – дериватам глагола *пахать*: *горепашница* ‘самоименование вдовы / сироты’, *попахать* ‘обмести могилу на Троицу’, *спахаться* ‘проявлять внимание, интерес, заботу’. Устанавливается, что слово *горепашница* происходит от *пахать* ‘обрабатывать землю’ и реализует на Русском Севере архаичный семантический переход ‘тяжело работать’ → ‘страдать’; *попахать* и *спахаться* восходят к *пахать* в более древнем, общеславянском значении – ‘мести’. Второй очерк содержит анализ контекстного значения глагола *отлить*, который встречается в одном из плачей в составе молитвы: «Спаси Господи людей да нехороших, *Отлей Господи* да людям этим злым, Стричь их Господи на втором на пришествии». По одной из версий, глагол, употребленный в таком контексте, отражает представления о кровной мести (точнее – взаимном пролитии «ценных» жидкостей); по другой – отсылает к магическим практикам отливания водой и / или воском.

Ключевые слова: севернорусские причитания; «Причитания Северного края» Е. В. Барсова; архаичная лексика; лингвофольклористика; диалектология; семантико-мотивационная реконструкция; этнолингвистика.

Исследователям хорошо известно, что «Причитания Северного края», собранные Е. В. Барсовым во второй половине XIX в. в Олонецкой губернии, содержат огромное количество диалектной лексики, в том числе специфичной для Русского Севера, и в частности – для Заонежья, уроженкой которого была главная информантка Барсова – И. А. Федосова. Существует давняя и богатая традиция изучения текстов, опубликованных в этом сборнике, с позиций лингвофольклористики, однако до сих пор не решен вопрос атрибуции многих слов, встречающихся в плачах: являются ли они собственно фольклорными или функционируют / функционировали вне текстов причитаний; принадлежат ли они исключительно к заонежскому диалекту (и ближайшему – условно «центральнокарельскому» – языковому ареалу) или распространены шире; употребляются ли они вне идиолекта И. А. Федосовой и т. д. Эти проблемы, конечно, не могут решаться умозрительно, и здесь первый инструмент исследователя – сопоставление барсовских фактов с данными других фольклорных источников, языковых компендиумов и картотек. Однако, идя по этому пути, мы сталкиваемся с трудностями, которые порождены недостаточной обработанностью лингвистического материала, представленного в сборнике Барсова. Так, С. М. Толстая обратила внимание, что в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» многие слова, зафиксированные у Барсова, отсутствуют (среди них *безуенный*, *бындырь*, *ватулить*, *варежинка*, *водыльник*, *гимерить*, *гнехать*, *гуспелый*, *изберень*, *изрыхла*, *нешуточка*, *рутить* ‘лить слезы’, *столыпаться* ‘бродить толпами’ и мн. др.), а «значительная часть (несколько сот слов) русской диалектной лексики в “Словаре русских народных говоров” документируется исключительно олонцкими материалами Е. В. Барсова» [Толстая 2012] (приведем только несколько примеров, избегая полипрефиксальных глаголов, часто признаваемых характерной чертой идиостиля И. А. Федосовой²: *спацливый* ‘ласковый, заботливый (о человеке, народе)’ [СРНГ 40: 126], *наставить веку* ‘продлить, удлинить жизнь’ [там же: 187], *повону* ‘снаружи’ [там же: 259], *понутру* ‘изнутри’ [там же: 277], *суровство* ‘смелость, удаль’ [там же: 285], *доброумие* ‘хорошее расположение духа’ [там же: 79] и т. д.). Более того, многие факты из «Причитаний Северного края» вообще не учтены составителями «Словаря русских народных говоров». Например, в [СРНГ] отсутствуют:

▪ **дайволевать* ‘дать разрешение, позволить’ – «*Дайволейте-тко, народ да люди добрыи*» [Барсов 1: 68];

▪ *демыян* ‘фимиам’ – «*Вы демьян да этот ладон разжигайте-тко*» [там же: 101];

▪ *заушенье, подтычина* ‘тумак, затрещина’ – «*Аль по головы дают оны заушенье, Али под белую-то грудь оны подтычину!*» [там же: 202];

▪ *крушить* ‘сокрушаться’ – «*Тут крушить будет ретливое сердечушко*» [там же: 40];

▪ *ополувеку* ‘среднего возраста’ – «*Ты поклон держи от старого до малого; Ты старому держи да ради старости, Ты малому держи да ради глупости, Ополувеку поклон да ради похвал!*» [там же: 114];

▪ *оцветать* ‘становиться ярким, приобретать цвет’ – «*И как от солнышка ведь платье оцветает*» [там же: 161];

▪ *порозрыться* ‘разозлиться, найти причину для недовольства’ – «*И на меня, бедну горяшу, порозроются, И станут искоса ведь братыца поглядывать*» [там же: 150];

▪ *скороплящий* ‘ярко горящий’ – «*И издываюца огни да скороплящи*» [там же: 279];

▪ *слововольный* ‘свободолюбивый, не стесняющийся в выражениях’ – «*И от невестушек слыву да я, голубушек, И слововольной солдаткой самовольной!*» [там же: 169];

▪ *стрядня* ‘трудовая страда’ – «*Нынь стрядня да пора-времечко рабочее, Пришло времечко теперь да сенокосное!*» [там же: 199].

Симптоматично, что приведенные слова (и многие другие!), не учтенные в [СРНГ] (а значит, не отмеченные в изданиях XIX–XXI вв., ставших для него источниками), не зафиксированы ни в [СРГК], ни в других современных «северных» словарях («Словарь вологодских говоров», «Архангельский областной словарь», «Словарь говоров Русского Севера» и пр.), – и, игнорируя барсовские материалы, мы лишаемся солидного массива данных, интересных как в структурном, семантическом, этимологическом, так и в ареальном отношении, – особенно если допустить их системно-языковое (не индивидуально-речевое) бытование. Ср. здесь замечание А. С. Герда о природе лексикона «Причитаний»: «По-видимому, многие из слов, употребляемых И. Федосовой в причитаниях и кажущихся нам сегодня особенными, чисто фольклорными, были достаточно широко известны в бытовой свободной диалектной речи в Заонежье в XIX в. В частности, и в наши дни диалектологи не раз подчеркивали, что и для диалектов, и для разговорной речи вообще, в особенности для речи женщин, весьма характерно постоянное употребление слов, осложненных экспрессивными уменьшительно-ласкательными суффиксами. <...> Именно поэтому так трудно отличить индивидуальные, собственно авторские поэтические новообразования И. Федосовой. Скорее всего, ее сло-

варь причитаний – это лексика живой обиходной диалектной речи Заонежья XIX в. в яркой, повышено эмоциональной поэтической форме» [Герд 1997: 616].

Очевидно, наилучший способ учета (с последующими задачами атрибуции и интерпретации) обсуждаемых фактов – создание полного словаря причитаний Русского Севера, о необходимости которого говорит С. М. Толстая [Толстая 2012]. Однако пока этот масштабный проект не осуществлен, полезной будет и «точечная» работа, например, анализ отдельных лексических фактов, не зафиксированных в диалектных словарях или документируемых только в сборнике Барсова. Такие слова претендуют на архаичность: судя по всему, они вышли из свободного употребления как минимум ко второй половине – концу XIX в., а возможно, и раньше, – сохранившись только в обрядовом дискурсе. Кроме того, многие из этих лексем являются «темными» и требуют, помимо атрибуции, еще языковой интерпретации. Например, составители [СРНГ 32: 156] не формулируют значение частотного в плачах слова *прокладбище*: [знач.?]. Вероятно, это происходит из-за ложного притяжения к гнезду *клась*, *кладбище* (переразложение в виде *про-* + *кладбище*). Но анализ контекстов, в которых встречается эта лексема, позволяет уверенно связывать ее со словом *прохлада* (ср. диал. шир. распр. *проклáд*, *проклáда* ‘жизнь, полная довольства’ [там же]) и членить в виде *прок(х)лад-* + *-ище* (где увеличительный суффикс *ищ-* и суффикс существительных *-б-* – дань «полиаффиксальным» требованиям жанра): «Походить стану хоть, белая лебедушка, На гульбище я на *прокладбище* Со этыма красныма девушкам» [Барсов 1: 113]; «Как пойдут его любимы поровечники, По гульбищечкам пойдут, по *прокладбищам*, Красны девушки пойдут да по гуляницам» [там же: 95] и др.

В ряде случаев барсовские раритеты позволяют «выйти» на народные верования, которые они отражают. Так, интересно словосочетание *кайётная неделька*, употребляющееся в сговорном плаче – от лица невесты, сожалеющей, что ее поспешно выдают замуж за нелюбимого: «И вы послушайте, желанныи родители! Уж вы думайте-тко думу, не продумайтесь! И ваша думушка, родители, часовая, Моя жирушка, родители, вековая; *Кайётная неделька* в году сбудется, Поворотного часочку не бывает!» [Барсов 2: 279]. Вероятно, словосочетание не просто называет момент раскаяния, который ожидает родителей девушки (ср. олон. *кайтный* ‘раскаивающийся, сожалеющий о сделанном’ [СРНГ 12: 304]), но является вариацией календарного обрядового термина, записанного в Ярославской губернии (По-

шехонье, 1906–1907): *месяц-кай* ‘первые месяцы после свадьбы, когда молодые, ввиду обычной здесь поспешности при браке, разочаровываются друг в друге и «каются»’ [там же: 323]³.

Нередко в причитаниях можно обнаружить нестандартные или редкие случаи реализации архаичных семантических моделей (ср. воплощение соматического кода в ласковом обращении к человеку – *тепла пазушка*, где *пазушка* – арх., сев., олон. ‘подмышка’ [СРНГ 25: 150]: «Не убоюсь – выду, *тепла моя пазушка*, Отопру, бедна горюша, дверь дубовую, Тебя стричу на прогульной славной улице» [Барсов 1: 96]); отражения древних метафор (ср. уподобление тоски ржавчине, разрушению: «И тут не *ржавело* б победно ретливо *сердчэ*» [Барсов 2: 75], «Бедна спинушка моя да пороспластана, И вся *утробушка* моя да *перержавела!*» [там же: 77]); проявления особенностей архаического сознания (ср. типичный синкретизм перцептивного и психологического в случаях «Нам не по уму *остуда-чужа сторона*, Не по совести *остудней бладо-отецьской сын*» [там же 1: 83], «Тут разошлись да и разъехались Наши мильи перелётны соколы По *чужой-то дальней ознобной сторонкушке*» [там же: 219]) и под.

Посильный учет и интерпретация раритетной архаичной лексики, встречающейся в «Причитаниях Северного края», позволяют не только картографировать экстралингвистические и собственно лингвистические факты, не только получить новые примеры реализации ряда культурных кодов, но и существенно дополнить сведения о специфической картине мира, присущей ламентации – одному из самых древних фольклорных жанров.

Настоящая статья – *primus gradus* в этой работе. В ней мы остановимся на нескольких отдельных словах: семантических диалектизмах – дериватах глагола *пахать* в причитаниях Барсова и на глаголе *отлить*, имеющем в одном из плачей нетривиальное контекстное значение.

Горепашница* и другие дериваты глагола *пахать

а. В «Причитаниях Северного края» Е. В. Барсова неоднократно встречается такое самоименование вдовы / сироты, как *горепашница*: «Нонь гляжу-смотрю, печальна *горепашница*, Я на это на хоромное строеньице...» [Барсов 1: 37]; «Я не знаю-то, победна *горепашница*, Кое – день, кое – темная е ноченька...» [там же: 45], «Я возрадуюсь, печальна *горепашница*, Што невестка до меня да сжаловалась, Всё подобрали победную голушку!» [там же: 188] и т. д.

Судя по данным [СРНГ] и других диалектных словарей, это сложное слово употребляется пре-

имущественно в плачах, записанных Барсовым: в [СРНГ 7: 35] приведен единственный случай функционирования похожей лексемы (в мужском роде) вне фольклорного контекста – влг. *горепашник* ‘горемыка, несчастный человек’ (1892) (пример извлечен составителями [СРНГ] из словаря Дилакторского). Это неудивительно: подобные сложения – яркая примета языка фольклора, и, в частности, они характерны для причеты, представленной в сборнике Барсова (ср. «Ты оставь да свои прежние гуляница, Забывай да свое прежде *доброумьицо...*» [Барсов 1: 40], «И да што я скажу, победная головушка <...> И я про этих *тонконог* да вихреватыих!» [там же 2: 220]; «И попрошу у вас, невольна красна девушка, И я сердечных любимых *правоплечничек...*» [там же: 423] и мн. др.).

Что касается компонентов сложных слов *горепашница*, *горепашник*, то первый из них – *горе* – прозрачен и выступает в составе ряда других композитов (ср. общенар. *горемыка*, *горемычный*, арх. *горенюшница* ‘бедная, несчастная женщина’ [СРНГ 7: 34], олон. *горечасно* ‘горько’ [там же: 35], без указ. м. *горегляд*, *горехват*, *горехлест* ‘бедовик, не выходящий из горя, которого беда, нужда преследует по пятам’ [Даль 1: 389] и т. д.), в том числе фигурирующих в севернорусских причитаниях в качестве (само)именований вдовы / сироты / рекрута: *горюша* *горегорькая*, *кокоша* *горегорькая*, *горедитятко* и пр. Вторую составляющую рассматриваемых лексем находим в [СРНГ]: повен. олон., арх., сев. *пашница* ‘беднячка; бедняжка’ [СРНГ 25: 306], влг. *пашник* ‘неудачливый, несчастный, обездоленный человек’ [там же: 307]. Кроме приведенных фактов в диалектных словарях встречаются однокоренные им существительные в аналогичном или близких значениях, но с другим суффиксальным оформлением: печор. *пашина* ‘беднячка; бедняжка’, КАССР *пашенка* ‘о том, кто в беде, бедняга’, влг., арх. олон., сев. *пашиница* ‘неудачливая, несчастная, обездоленная женщина’, сев.-вост. *пашнюга* ‘бедняга’, арх. *пашня* ‘неудачливый, несчастный, обездоленный человек’, влг. *пашняга* ‘убогий человек’ [там же: 304–308], влг. *пашничок* ‘несчастный, вызывающий жалость человек’ [СВГ 7: 21]⁴. Обнаруживаем также прилагательные: *пашной*, *пашный* влг., арх. ‘неудачливый, несчастный, обездоленный’ [СРНГ 25: 307], влг. ‘бедный, несчастный’ [СВГ 7: 21; КСГРС], влг. *пашненький* ‘бедный’ [СРНГ 25: 307]. Примечательно, что все эти слова зафиксированы только в говорах Русского Севера.

С высокой долей вероятности можно предположить, что приведенные лексемы являются дериватами глагола *пахать* (общенар. ‘взрыхлять

почву’, прост. перен. ‘действовать, работать много и на совесть; тяжело трудиться’; арх. ‘работать’ [СРНГ 25: 289]), например: *пашной* – ‘такой, который тяжело, много трудится’ → ‘несчастный, вызывающий жалость’.

Если принять эту версию, то *пахать* встает в ряд глаголов, обозначающих физическое воздействие на объект и получающих субстантивные и адъективные производные, которые называют тяжелый труд и способны развивать абстрактные значения, перенося представления о мучительной работе в морально-психологическую и онтологическую плоскости: **terti* ‘тереть’ (ср. *труд* общенар. ‘работа, усилие’, рус. диал. ‘боль, недуг, нездоровье’ [СРНГ 45: 153], ср. диал. *труды видеть* ‘переживать беды, несчастья’ [там же: 154] и др.); **stradati* (ср. рус. диал. *страда* ‘сенокос, уборка сена и др.’, ‘страдание, мучение, мука’ [СРНГ 41: 271–272]; ср. рус. диал. *страдать* ‘косить, жать’, ‘рубить дрова в лесу’, ‘начинать усиленно делать что-то’ [там же: 273] на фоне общенар. *страдать* ‘испытывать страдание, муку’); **meiti* ‘мять’ (ср. общенар. *мука* ‘сильное физическое или нравственное страдание’); **tegnoti* ‘тянуть’ (ср. общенар. *тяжесть* ‘то, что имеет большой вес, требует физических усилий’, ‘нечто мучительно-неприятное’). Подробнее о семантическом параллелизме в гнездах **trud-*, **mok*, **teg*, **strad-* на материале русского и славянских языков см.: [Толстая 2008]; отдельно о гнезде **strad-* см.: [Березович 2015].

Принадлежность *пахать* к этой архаичной глагольной парадигме подтверждается не только существованием слов типа *пашница* ‘беднячка; бедняжка’, *пашной* ‘неудачливый, несчастный, обездоленный’, но и семантическим переходом ‘трудиться’ → ‘испытывать смертные муки’, который реализуется в костр. *пахаться* ‘метаться, томиться, испытывать предсмертные страдания, не находя себе места’ [СРНГ 25: 290]⁵, нижегор., костр. *пашиться* ‘умирать’ [там же: 306], ср. типологическую параллель, приводимую С. М. Толстой: влг. *трудиться* ‘быть больным, страдать тяжелой болезнью, страдать перед смертью, испытывать предсмертную агонию’ [Толстая 2008: 116], а также с.-х. *trudan most* ‘путь на тот свет’ [там же: 119]. По наблюдению С. М. Толстой, еще более характерным для гнезд **trud-*, **mok*, **teg*, **strad-*, чем «смертное», является гиперонимичное по отношению к нему значение ‘боль, болезнь, физическое мучение’ (ср. смол. *труд* ‘болезнь, боль’ и др. [там же: 116]). Результат семантического шага ‘труд’ → ‘боль, болезнь’ находим и среди дериватов глагола *пахать*: новг. *распахнулись глаза* ‘заболели глаза’ (1910) [СРНГ 34: 157].

Как уже говорилось выше, производные глагола *пахать* развивают «нетрудовые» значения

(связанные с представлениями о физиологических, морально-психологических и онтологических страданиях) только в севернорусских говорах. Возникает закономерный вопрос о причинах этой ареальной ограниченности – несмотря на 1) общевосточнославянское бытование континуантов **пахати* 'обрабатывать землю' [см.: ЭССЯ 40: 198–203]; 2) существование рус. общенар. *пахать* 'тяжело работать'; 3) общеславянскую распространенность модели «трудовое действие → мучение» для продолжений других глаголов, называющих физическое воздействие на объект. Возможно, ответ будет найден при обращении к специфическому употреблению глагола *пахать* на Русском Севере. По указанию Л. В. Куркиной, в этом регионе он входит в ряд терминов подсечно-огневого земледелия – наиболее тяжелого и трудоемкого способа обработки почвы, особенно развитого на лесных территориях, небогатых плодородными пахотными землями: «В некоторых контекстах <...> гл. *пахать* имеет отношение к лесу, а точнее связан с представлением о работах, предшествующих пахоте, – расчистке леса: *А у которых сел и деревень есть молоди, и тех молодых прежних выпашей...*; *А черный лес пахати в суземке просто...*» [Куркина 2011: 170]. В этой же работе приводятся лексические факты: *деревню пахати* 'расчищать под посев', арх. *выпахивать* 'копая, извлекать на поверхность земли, выкапывать, вырывать; доставать из-под земли, обрабатывая ее плугом' – «Лытки выпаживали да ноги, косью-то», «Я фсе выпаживал да вырывал (пни), куця была страшонная» [там же]. Принимая во внимание специфику подсечного земледелия, не кажется удивительным, что связанные с ним работы становятся эталоном мучительного труда, а севернорусский глагол *пахать*, называющий расчистку леса, «вырастает» из статуса сельскохозяйственного термина, в своем семантическом развитии «перерастает» даже (несомненно, влияющий!) общенародный предикат *пахать* 'тяжело работать' (в котором мог бы реализоваться, но не совершился переход «тяжелый труд → (любая) мука») и приобретает «психологические» («онтологические», «физиологические» etc.) значения.

в. В сборнике причитаний, записанных Е. В. Барсовым, встречаются и другие небезытересные для нас континуанты **пахати*, – но на сей раз продолжающие более древнюю по отношению к 'обрабатывать землю' семантику этого глагола – 'мести' («Слав. **пахати* в значении 'пахать' – семантическая инновация вост.-слав. языков, явившаяся результатом переосмысления конкретного действия, при котором земля отбрасывается в сторону» [ЭССЯ 40: 199]; подробнее о семантическом развитии в гнезде **пахати* см.:

[там же: 197–205]); ср. в связи с этим диал. шир. распр. *пахать* 'мести, подметать (пол, улицу, под в печи и т. п.)' [СРНГ 25: 289]. Один из этих континуантов – глагол *попахать*, фигурирующий в следующем фрагменте плача: «Мы бы знали, где могилушка умершая, На Владычной Божий праздничек сходили бы! Спомянули тут мы их да *попахали* бы!» [Барсов 1: 212].

Словом *попахать* обозначается обряд «обметания могил», ареал которого, по данным [СД 3: 232–233], ограничивается русским северо-западом (там же упоминаются смоленские, новгородские, псковские свидетельства, к которым, несомненно, следует добавить олонечские факты): «на Троицу (а также на Радуницу, в день "дмитровских дедов") каждый приносил с собой на кладбище по березовой ветке; старший родственник связывал все ветки вместе и обметал могилу» [там же]. Судя по материалам [СРНГ 25: 289; 29: 300], такие обозначения ритуального обметания, как *пахать* и *попахать* (часто без зависимого слова), фиксируются только в Олонечской губернии (Бурнашев) и у Барсова; в новгородских и некоторых других говорах обрядовый термин имеет форму *опахать*: «Наломаешь берёзок, веточек, в церковь пойдёшь, отойдёт служба, и идёшь родителей поминать, так могилки те и *опахать* берёзкой-то», «В Троицу веточки берёзы берут с собой на могилы, *опахивают* их, принято так» [НОС: 725].

Интересен в связи с этим случай «обрядовой контаминации», зафиксированный в [СРНГ 23: 243]: петерб. *опахивать* 'по суеверным обычаям – разгребать землю на могиле, около могилы накануне религиозного праздника Троицы' – «Пойду мужа *опахивать*, т. е. березкой рыть землю около могилы, прорыть ему глаза, чтобы он нас видел» (архив РГО). Очевидно, неразличение (смешение) лексических омонимов *пахать*₁ 'взрыхлять землю' и *пахать*₂ 'мести, обметать' повлияло на замещение ритуального обметания обрядовым *опахиванием* (соответственно, на проникновение типичного отгонного ритуала в поминальный цикл). В результате этой флуктуации имеем контаминированный (деформированный) обряд, предполагающий рыхление могильной земли березовыми ветками на Троицу.

с. Наконец, следует упомянуть еще одно производное от *пахать* 'мести, обметать', встречающееся у Барсова, – глагол *спахаться* 'проявлять внимание, интерес, заботу о ком-, чем-л.': «Он не ходит-то крестьянин во Божью церковь, Он не молится-то Богу от желаньца, О души своей крестьянин не *спахается*» [Барсов 1: 202]. На первый взгляд неочевидная связь между значениями 'проявлять интерес, заботу' и 'мести' становится прозрачной при обращении к несо-

вершенной форме этого глагола, также неоднократно употребляющейся в сборнике Барсова и представляющей более раннюю фазу семантического развития, – олон., перм., казан. *спахнуться* ‘опомниться, одуматься, спохватиться’ – «И тут *спахнулася* родитель родна матушка, и вдруг на радости она да на весельице, И она ставила столы скоро дубовые» (Барсов), «Тут я *спахнуся*, кручинна вся головушка, За свою да за надежную сдержавушку» (Барсов) [СРНГ 40: 125–126].

Семантическая связь между видовой глагольной парой выстраивается следующим образом: ‘проявлять внимание, интерес, заботу’ (гл. сов. в.) ← ‘заинтересоваться, озаботиться’ // ‘спохватиться’ (гл. несов. в.).

В свою очередь, спохватиться (~ испытать душевный порыв, озарение, внезапное чувство тревоги или страха) означает совершить резкое движение: метафорически и – часто – физически в качестве «аккомпанирующего» движения, жеста. А резкие, махообразные движения – одна из составляющих подметания. Ср. здесь и другие дериваты глагола *пахать*, называющие внезапное действие, ощущение (в том числе сопровождаемое резким движением телом): влг., новг., вят., иркут. *напахаться* ‘неожиданно встретить, найти кого-, что-либо, наткнуться на кого-, что-либо’ [СРНГ 20: 55–56], *напахнуть* сев.-двин., арх. ‘напасть, наскочить; натолкнуться’, арх. ‘наброситься с упреками, бранью’, влг. *напахнуло* ‘нашло, овладело’ – «Что это все на нас одних напахнуло?», сиб., перм., свердл. *напахнул ум* ‘пришла в голову мысль; догадался (кто-либо)’ [там же].

Похожим образом – в качестве комплексного (психофизиологического) описания внезапного действия, состояния – возникают «ментальные» значения у другого глагола (как раз называющего движение веником, метлой) – *махать*: влад. *махнуть* ‘решиться на что-либо’ [СРНГ 18: 46], вят., киров. *намáхом* ‘наобум, на авось’ [там же 20: 31] и т. д. Реальная связь подметания и махания (идентичность совершаемых движений) поддерживается сходством слов, называющих эти действия (*пахать*, *махать*), поэтому не исключено, что активность «психофизиологических» экспрессивов гнезда *пахать* ‘мести’ частично обусловлена контаминационными процессами (в связи с этим ср. выразительный фрагмент заговора (арх.): «Все святые божие угодники, возьмите шелковый веничек, *опашите*, *омашите* с раба божия притчи и призоры...» [там же 23: 244]).

Отлить

В сборнике причитаний Е. В. Барсова записан примечательный текст – «Плач об упряньливой головушке», исполняемый от лица вдовы, похо-

ронившей пьяницу мужа. Своеобычность этого плача заключается в нетипичной для lamentаций тональности, которую выбирает плачущая: используя традиционный жанровый лексикон и заключая индивидуальную историю в рамки стандартных для причети мотивов, женщина, тем не менее, подчеркивает, что мужа ей несколько не жаль, а его смерть стала для нее избавлением от мучений и позора. Ср. некоторые говорящие контексты и под.:

«Вы послушайте, народ да люди добры!
Проливаю хоть, несчастна, горюци слезы,
Не сдвуйте мне-ка, добры того людюшки,
Не жалию я надежной головушки!»
[Барсов 1: 225];

«Хоть нет пахаря на чистом этом полюшке,
Разорителя в хоромном нет строеньице,
У меня, да у несчастной у победнушки,
Нонь не ржавеет ретливое сердечушко
О упряньливой надежной о головушке!»
[там же: 228];

«Я раздумалась, победна, порасплакалась,
Под косевчатым я сидяци окошечком,
Под туманной стекольчатой околенькой!
Тут я тяжкого греха-то залучила –
Мужу скорую смеретушку молила!»
[там же 1: 222].

Наше внимание привлёк один из фрагментов текста, в котором вдова, рассказывающая о «подвигах» мужа, упоминает его собутыльников и, в частности, случаи, когда она пыталась забрать от них «надежную головушку», увести его из кабака – и ей это не удавалось:

«Знать, по моему злодйну бесталаньицу,
Наступили злыи люди нехорошии,
Погубили тут надежную головушку!
Со той порушки ведь он да с того времечка,
Почасту стал во царев кабак захаживать;
Набоялася победна, наполохалась,
Настоялась у дверей я у дубовых,
Сожидаючи надежную головушку!
Тут я Господа Бладьку попросила,
За лихих людей я Бога помолила:
“Спаси Господи людей да нехороших,
Отлей Господи да людям этим злым,
Стричь их Господи на втором на пришествии,
Хто сгубил мою надежную головушку,
Разорил нашу крестьянску эту жирушку!”»
[там же: 226].

В силу специфики плача (несовпадения «частной» и «жанровой» тональностей) приведенный фрагмент, а точнее входящая в его состав молитва «за врагов», может пониматься двояко: или как действительная просьба об отпущении грехов, или как очередное проявление «несентиментального» настроения вдовы – призыв покарать собутыльников мужа. От истолкования

этого эпизода напрямую зависит интерпретация второй строки молитвы – «Отлей Господи да людям этим злым» – и реконструкция семантической мотивации глагола *отлить*, которая представляется нетривиальной и, возможно, отсылает к архаичным магическим практикам.

Сложность вопроса об интенции молитвы обеспечивается не только общей неоднозначностью текста, не только его уникальностью (отсутствием вариантов или параллелей, с которыми можно было бы сравнивать), но и смысловой «размытостью» составляющих молитву строк. Так, начало первой строки – *спаси Господи*, – очевидно, не способно свидетельствовать об исключительно «комплиментарном» тоне текста ввиду некоторой семантической выхолощенности соответствующей формулы в повседневной коммуникативной практике (ср. функционирование выражения *спаси господи* в качестве приветствия, благодарности, а также в роли модальной фразы в случаях типа «Ох, спаси господи, и устала же я»). Третья строка молитвы – «Стричь их Господи на втором на пришествии» – еще более спорная из-за амбивалентности представленный об упоминаемом в ней важнейшем событии: второе пришествие Христа обещает верующим «неувядающий венец славы» (1 Пет. 5: 4) и «венец правды» (2 Тим. 4: 7–8), но в то же время подразумевает близость Страшного суда, которого особенно боятся грешники. Здесь возникает вопрос, как вдова «квалифицирует» собутыльников мужа – как рядовых христиан (ср. обращение к человеку / группе людей, не учитывающее реальную степень воцерковленности, – *православный, православные*: «Расступитесь, православные!») или как пьяниц, которые должны быть наказаны за свой грех (отсюда следует отдельное и пространное рассуждение о мере греховности пьянства для «низового» православного сознания).

Очевидно, окончательная интерпретация разбираемого фрагмента плача пока невозможна, поэтому попытаемся воссоздать семантическо-мотивационный «путь» интересующего нас глагола *отлить*, имея в виду обе возможные (противоположные) цели молитвы «за врагов» – их проклятие и прощение богом.

а. Если предположить, что интенция молитвы соответствует общему несколько агрессивному тону причитания, то строка «Отлей Господи да людям этим злым» должна прочитываться как призыв к отмщению за разрушенную семью и погубленную душу мужа, а глагол *отлить* должен иметь семантику, которую он развивает в ленинградских говорах, – ‘покачать, наказать, воздать по заслугам’; ср. схожие с нашим случаем контексты, зафиксированные в [СРГК 4: 304]:

«Господи, отлей им, старых да малых обижали», «А все-таки Господь ему отлиў». Там же записана и возвратная форма этого глагола – ленингр., карел. *отлі́ться* ‘воздасться за содеянное зло’ – «А мне свекровь говорила, отольётся тебе все», «Да чтобы тебе его отлилось; это если кто другому худого пожелает».

Глядя на приведенные примеры функционирования севернорусских предикатов, трудно не вспомнить распространенную поговорку *Отольются кошке мышьины слезы* (вариант: *Отольются волку овечьи слезы*) и угрозу (общенар.) *Отольются (чьи-л.) слезы (кому)* ‘кто-л. будет наказан, пострадает за причиненное другому зло, обиду’ [Кузнецов 2000]. Кроме того, необходимо упомянуть также ст.-рус. *отлити кровь за кровь (кому-л.)* ‘отомстить кому-л. за кровопролитие’ (XVII в.), *отлити свою кровию за (чью-л.) кровь* ‘расплатиться собственной кровью за чью-л. пролитую кровь’ (XVI в.) [СлРЯ XI–XVII 13: 258]. В этих выражениях отмщение (искупление) представляется как «взаимное» пролитие, своего рода «обмен» физиологическими жидкостями, ассоциирующимся со страданием (крови и слез), а старорусские факты напрямую отсылают к обычаю кровной мести. Архаичная идея искупления (даже откупания) через отливание ценной жидкости отражена, как думается, еще в архангельском сочетании *отливаться салом* ‘во время сильного волнения на море выливать за борт жир морских животных, чтобы укротить волнение и предотвратить гибель судна’ (1850) [СРНГ 24: 226].

Думается, причетный глагол *отлить* и соответствующие ему ленинградские и карельские лексемы, зафиксированные в [СРГК], могут апеллировать к тем же представлениям; разница в управлении (употребление с зависимым словом – *кровь, слезы* и др. – или без него) вполне объясняется эллиптированием.

б. Если все же допустить мысль о «благонаправленности» молитвы, которую произносит вдова, то глагол *отлить* должен получить дефиницию, близкую к той, что сформулировали (однако не без сомнения) авторы [СРНГ 24: 226], анализировавшие тот же барсовский контекст, – ‘простить (?)’. Чтобы понять возможную связь прощения с отливанием, нужно обратиться к практике магического отливания с целью избавления от скверны. Известно, что для этого традиционно используются две жидкие субстанции – вода и воск; ср. хотя бы несколько русских «народно-медицинских» терминов, в которых зафиксированы представления об этих широко распространенных у славян методах:

▪ дон., курск. *выливать волос* ‘лечить болезнь волос’ [там же 5: 304], смол. *выливать волосень* ‘лечить волосень особым способом: взять колос

и над черепком поливать колос водою, произнося таинственные слова; водой мыть палец, слегка покалывая колосом' [СРНГ 5: 304], калуж. *сливать, слить стену* 'лечить стену (удуше по ночам) святой водой и заговором' [там же 38: 276];

▪ урал. казаки *отливать испуг* 'лечить испуг заговором' – «Итливый испуг на воск или на сало говяжий. Таньку итливала баушка» [Малеча 3: 100], томск. *отливать на воск* 'лечить от испуга знахарским способом: заставляя больного увидеть свои очертания в растопленном воске, разлитом в воде' [СРГС 3: 130], Груз. ССР *воск отливать* 'о действии, якобы обладающем свойством излечивать от болезней' – «Меня корова убила, лет десять уж, и врач мне ничего не помогнул, воск отливали, испуг отошел» [СРНГ 24: 226], Груз. ССР *отливаться* 'получать изображение на воске' – «Волк ли испугал, кто испугает, тот отливается, какой у тебя есть испуг, он отливается, а уже потом чисто, нет ничего» [там же], иссык-кульск. *выливать* 'лечить заговором над растопленным воском' [там же 5: 304] и мн. др.

Очевидно, в основе практики отливания водой и воском лежат разные свойства этих субстанций. Для воды релевантна, с одной стороны, ее способность перенимать признаки (как хорошие, так и дурные), полученные в результате контакта с разными стихиями, предметами, живыми существами, и аккумулировать их (таким образом, отливание «негативно заряженной» воды способствует избавлению от скверны, ср. хотя бы обычай выливать воду, стоявшую рядом с покойником). С другой стороны, важное свойство воды – ее проточность, которая обеспечивает смывание дурного (ср. магическое обмывание больного и обращение к воде с просьбой смыть порчу, см.: [Агапкина 2010: 231–232]), его безвозвратное «уплывание» (ср. обычай «пускания по воде» вредоносных предметов – одежды больного, вырванного в поле «заломы», клочков шерсти, костей и пр., см.: [Виноградова 2002]). В свою очередь, принципиальная особенность воска, «обыгрываемая» в народной магии, – принимать форму другого объекта или существа, становиться им подобным и замещать их: как правило, воск уподобляется болезни или порче, которые, как и он, должны растаять и утечь, см.: [СД 1: 442–444]. Так или иначе магическое отливание (и воском, и водой) предполагает избавление от дурного путем сливания жидкости, которая аккумулирует скверну (перенимает ее вредоносные черты). Следовательно, можно предположить, что вторая строка барсовской молитвы – «Отлей Господи да людям этим злым» – переносит эти традиционные представления об изживании негативного в более абстрактную (религиозно-этическую) плоскость и содержит призыв

простить нечестивцев, «отлив» их грехи (очистив их от скверны). В пользу этой версии, кажется, говорит еще традиционная формула *отпускать грехи* («Отпусти нам грехи наши»), в основе которой лежит похожий образ. Кроме того, говоря о мотиве освобождения от греха через опустошение, *опрастывание*, нужно упомянуть новг. *простить* 'делать простым от греха, вины, долга' [Даль 3: 533].

Примечания

¹ Авторская работа выполнена при поддержке РНФ по проекту «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования», № 17-18-01373.

² См. хотя бы: [Пономарева 1992; Герд 1997].

³ Нужно отдельно отметить, что, по нашим наблюдениям, в свадебных причитаниях, собранных Е. В. Барсовым, неоднократно встречаются характерные костромские и ярославские слова (что нетипично для похоронной и рекрутской причеты, записанной от тех же исполнительниц). Вопрос, касающийся миграции свадебной терминологии, нуждается в отдельном пристальном рассмотрении.

⁴ Дальнейшее пейоративное расширение приводит к возникновению фактов типа влг. *пашня* 'бестолковый человек' [СРНГ 25: 308]. Не исключена принадлежность к рассматриваемому гнезду и влг. *пахни́ца* 'провинившаяся в чем-либо девушка, которую наказывают во время святок' – «Исхлещшат пахницу бедную кнотом» [СВГ 7: 18].

⁵ Составители [ЭССЯ 40] относят этот костромской глагол к гнезду **рахати (se)* II 'мести' [там же: 204], что, очевидно, является неверным.

Список источников

Барсов 1–2 – *Причитанья Северного края*, собранные Е. В. Барсовым: в 2 т. Т. 1. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные; Т. 2. Рекрутские и солдатские причитанья. Свадебные причитанья / изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. СПб.: Наука, 1997.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1880–1882 (1989).

КСГРС – *картоотека* Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 10.10.2017).

Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4 т. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 2002–2003.

НОС – *Новгородский* областной словарь / изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010. 1435 с.

СВГ – *Словарь вологодских* говоров: в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

СД – *Славянские древности*: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отн., 1995–2012.

СлРЯ XI–XVII – *Словарь русского языка* XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов и др. М.: Наука, 1975–. Вып. 1–.

СРГК – *Словарь русских* говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

СРГС – *Словарь русских* говоров Сибири: в 5 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1999–2006.

СРНГ – *Словарь русских* народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

ЭССЯ – *Этимологический* словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

Список литературы

Агапкина Т. А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. М.: Индрик, 2010. 824 с.

Березович Е. Л. *Поймать остродыма*: об одной лексической загадке русских народных говоров // *Русский язык в научном освещении*. 2015. № 1(29). С. 151–170.

Виноградова Л. Н. Та вода, которая... (Признаки, определяющие магические свойства воды) // *Признаковое пространство культуры* / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2002. С. 32–60.

Герд А. С. Язык «Причитаний Северного края» // *Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым*: в 2 т. Т. 2. Рекрутские и солдатские причитанья. Свадебные причитанья / изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. СПб.: Наука, 1997. С. 603–618.

Куркина Л. В. Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка. М.: Азбуковник, 2011. 367 с.

Пономарева С. Н. Функционирование полипрефиксальных глаголов в языке причитаний И. А. Федосовой // *Язык русского фольклора* / отв. ред. З. К. Тарланов. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1992. С. 72–81.

Толстая С. М. Заметки о языке севернорусских причитаний // *Язык и прошлое народа*: сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева / отв. ред.

М. Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 464–475.

Толстая С. М. *Труд и мука* // Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. С. 114–120.

References

Agapkina T. A. *Vostochnoslavyanskije lecebnyje zagovory v sravnitel'nom osveshchenii: Syuzhetika i obraz mira* [East Slavic Healing Spells in Comparative Coverage: Plots and Worldview]. Moscow, Indrik Publ., 2010. 824 p. (In Russ.)

Berezovich E. L. *Poimat' ostrodyma: ob odnoy leksicheskoy zagadke russkikh narodnykh govorov* [To Catch the Ostrodrum: about One Lexical Mystery of Russian Folk Dialects]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2015, issue 1(29), pp. 151–170. (In Russ.)

Gerd A. S. *Yazyk «Prichitaniy Severnogo kraja»* [Language of "Northern Lamentations"]. *Prichitaniya Severnogo kraja, sobrannye E. V. Barsovyim* [Northern Region's Lamentations collected by E. V. Barsov]. Ed. by B. E. Chistova, K. V. Chistov. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 2, pp. 603–618. (In Russ.)

Kurkina L. V. *Kul'tura podsechno-ognevoego zemledeliya v zerkale yazyka* [Slash-and-Burn Agriculture in the Mirror of Language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011. 367 p. (In Russ.)

Ponomareva S. N. *Funktsionirovanie poliprefiksals'nykh glagolov v yazyke prichitaniy I. A. Fedosovoy* [Polyprefixal Verbs Functioning in the Lamentations by I. A. Fedosova]. *Yazyk russkogo fol'klora* [The Russian Folklore Language]. Ed. by Z. K. Tarlanov. Petrozavodsk, PetrSU Press, 1992, pp. 72–81. (In Russ.)

Tolstaya S. M. *Trud i muka* [Labour and Torment]. *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshchoslavyanskoy perspective* [The Space of a Word. Lexical Semantics in General Slavic Perspective]. Ed. by S. M. Tolstaya. Moscow, Indrik Publ., 2000, pp. 114–120. (In Russ.)

Tolstaya S. M. *Zametki o yazyke severnorusskikh prichitaniy* [Notes about the Language of Northern Russian Lamentations]. *Yazyki proshloe naroda* [People's Past and Language]. Ed. by M. E. Rut. Ekaterinburg, Ural State University Press, 2012, pp. 464–475. (In Russ.)

Vinogradova L. N. *Ta voda, kotoraya (Priznaki, opredelyayushchie magicheskie svoystva vody)* [The Water that... (Signs Defining Magic Properties of Water)]. *Priznakovoe prostranstvo kul'tury* [Characteristic Cultural Space]. Ed. by S. M. Tolstaya. Moscow, Indrik Publ., 2002, pp. 32–60. (In Russ.)

NOTES ABOUT ARCHAIC VOCABULARY
IN *NORTHERN LAMENTATIONS* BY E. V. BARSOV

Olesya D. Surikova

Research Fellow

Institute of Slavic Studies of the RAS

51, prospekt Lenina, Ekaterinburg, 620000, Russian Federation. surok62@mail.ru

SPIN-code: 2319-3715

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9526-7853>

ResearcherID: R-6745-2016

The vocabulary represented in *Northern Lamentations* collected by E. V. Barsov is still poorly examined and studied by linguists and folklorists, which is a very important problem, yet unsolved. Many words in this collection cannot be found in dialect dictionaries, which means that they are not seen by dialectologists, etymologists and ethnolinguists, though their structure, semantics, etymology and geography could be of interest for researchers. These words can be considered archaic, as they disappeared from speech at least in the second half of the 19th century, and give the possibility to see rituals and rites that are “behind” them. This vocabulary implements archaic semantic models, embodies ancient metaphors and peculiarities of the archaic way of thinking and, of course, needs interpretation. The article consists of two sketches, in which the author considers some words from Barsov’s lamentations. The first sketch refers to semantic dialecticisms – derivatives from the verb *pakhat’* <to plough>: *gorepashnitsa* <woman who ploughs grief>, ‘self-denomination of a widow / orphan’, *popakhat’* <to plough a bit>, ‘to sweep the grave on the Trinity Sunday’, *spakhat’sya*, ‘to show interest, attention, to care’. It has been established that the word *gorepashnitsa* is a derivative of the word *pakhat’* (to plough) and functions in the frames of the Russian North archaic semantic transition model ‘to work hard’ → ‘to suffer’. The words *popakhat’* and *spakhat’sya* originate from the word *pakhat’* in a more ancient general Slavic meaning ‘to sweep’. The second sketch analyzes the context meaning of the verb *otlit’*, <to pour off>, which we meet in one of the lamentations as a part of a prayer: “O Lord, save thy bad people, pour off, o Lord, to these evil people, Meet them, o Lord, on the Second Advent”. One of the versions says that this verb in this context embodies the notion of the feud (to be more precise – of the mutual spill of the “valuable” liquids); another version refers to magical rites with the spillage of water and / or wax.

Key words: Russian Northern lamentations; *Northern Lamentations* by E. V. Barsov; archaic vocabulary; linguistic folklore studies; dialectology, semantic and motivational reconstruction, ethnolinguistics.